

УДК: 81'255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642

ПЕРЕВОД: ПРЕДЛОЖЕНИЕ ИЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЕ?

А.Л. Семёнов¹, В.И. Ершов², Н.Ю. Нелюбова³

¹Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119034

²Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
пр-т Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

³Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Традиционно считается, что письменно переводчик переводит текст по предложениям, которое в этом случае и является единицей текста и перевода. В ситуации устного перевода переводчик переводит высказывание. Высказывание может быть сложным по структуре и воспроизводится с паузами, которые могут быть использованы для «вклинивания» перевода. В отдельных случаях высказывание и предложение могут совпадать по форме. Анализ деятельности переводчика и материалов, подлежащих переводу, показывает, что традиционное различие высказывания и предложения в отношении к типу перевода (устный или письменный) не всегда актуально. Высказывание по форме может совпадать с предложением и быть актуальным для письменного перевода. Наличие пауз при воспроизведении высказывания структурирует высказывание, превращая его в последовательность коротких фраз, удобных для перевода. Фраза является минимальной смысловой единицей, пригодной для перевода. Формально по технологии перевода фраза должна содержать в качестве опорных элементов смысла обозначения субъекта и действия. В рабочей ситуации переводчик может использовать технику перефразирования и восполнить недостающий опорный элемент смысла, не изменяя его объем.

Ключевые слова: предложение, высказывание, фраза, перефразирование, субъект, действие

ВВЕДЕНИЕ ТРЕХЗВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

По сравнению с традиционной коммуникацией (адресант-адресат) особенностью двуязычной коммуникации является наличие третьего звена в общей схеме — межъязыкового посредника-переводчика. Коммуникация превращается из двухзвенной системы в трехзвенную: адресант—переводчик—адресат.

По всем законам формальной логики известно, что любое дополнительное звено снижает жесткость (в языковой ситуации — точность передачи смысла) системы. И уже много раз доказано, что перевод никогда не бывает абсолютно точным. Точность перевода мы сравниваем с извлечением корня квадратного из 2 [Семенов 2008: 160]. Это действие возможно выполнить только с определенной степенью точности, как и перевод возможно выполнить лишь с заданной или обусловленной степенью точности. Собственно коммуникативный процесс тоже может происходить лишь с определенной степенью точности.

Основными факторами, влияющими на точность передачи смысла в коммуникативном процессе, являются точность плана выражения смысла адресантом и точность восприятия смысла адресатом. Посреднический переводческий процесс можно рассматривать и в аспекте восприятия, и в аспекте выражения смысла. Вполне понятно, что точность (нейтральность) посреднического (переводческого) процесса в коммуникации зависит от сближения свойств восприятия и выражения переводчика с этими же свойствами адресанта и адресата. Но совершенно очевидно и то, что восприятие исключительно индивидуально. В двуязычной коммуникации первым воспринимающим является переводчик, и качество перевода, а следовательно, и коммуникации, зависит от восприятия переводчика. Но что воспринимает переводчик?...

СМЫСЛОВОЙ ЭЛЕМЕНТ В ПЕРЕВОДЕ

Современная даже максимально оперативная коммуникация может происходить не только в устном, но и в письменном виде. Переводчик последовательно переводит смысловые элементы, которые не принадлежат ему, а представлены в виде синтаксически структурированных лексических единиц. Минимально смысловой элемент представляет собой обозначение субъекта и его действия.

Поскольку перевод — это замена элементов одного языка элементами другого языка при сохранении смысла, переводчику необходима полная информация о смысловом действии. В большинстве случаев субъект и его действие несут целенаправленную единую смысловую информацию. Переводчик лишен возможности найти аналог обозначения действия в другом языке, если ему не известен субъект, и он не может перевести именную конструкцию, если не обозначено ее действие.

Не всегда смысловой элемент бывает оформлен в виде подлежащего и сказуемого, но, так или иначе, семантика действия субъекта должна быть выражена и явно известна переводчику. Переводчик не может перевести на английский язык без понимания субъекта и семантики действия однословное предложение «*Интересно!*». Он использует формальное подлежащее (субъект) и соответствующее ему сказуемое: *It is interesting!*

Формально сообщение «*Интересно!*» можно интерпретировать как высказывание или произведение устной речи, имеющее необходимое смысловое содержание и даже некоторую эмоциональную окраску. Перевод *It is interesting!* необходимо интерпретировать как предложение — текстовый элемент. Характеризуя перевод как текстовый элемент, мы не ограничиваем его использование исключительно в письменной форме. В этой ситуации становится совершенно очевидно, что предложение может быть устной и письменной формой представления информации одновременно.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ VS ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Соотношение предложения и высказывания — важный элемент для понимания многих технологических аспектов перевода. Бездоказательно принято считать, что письменный переводчик переводит предложения, а устный — высказывания.

Хотя это происходит в большинстве переводческих ситуаций, все же текстологические исследования показывают достаточно частое и явное смешение понятий предложения и высказывания и письменной и устной деятельности переводчика. То, что в последовательном устном переводе переводчик часто переводит сообщение по предложениям, совершенно очевидно. Но достаточно часто предложение в письменном тексте принимает форму высказывания, что создает чрезвычайно сложную ситуацию для перевода.

Вот один фрагмент из известного произведения В. Набокова «Дар» [Набоков 2007]:

Можно понять брезгливость Рудольфа, — но с другой стороны... мне иногда кажется, что не так уж ненормальна была Яшина страсть, — что его волнение было в конце концов весьма сходно с волнением не одного русского юноши середины прошлого века, трепетавшего от счастья, когда, вскинув шелковые ресницы, наставник с матовым челом, будущий вождь, будущий мученик, обращался к нему... и я бы совсем решительно отверг непоправимую природу отклонения («Месяц, полигон, виола заблудившегося пола...») — как кто-то в кончеевской поэме перевел «и степь, и ночь, и при луне...»), если бы только Рудольф был в малейшей мере учителем, мучеником и вождем, — ибо на самом деле это был что называется «буриш», — правда, буриш с легким заскоком, с тягой к темным стихам, хромой музыке, кривой живописи, — что не исключало в нем той коренной добротности, которой пленился, или думал, что пленился, Яша.

В тексте романа этот фрагмент формально представлен в виде предложения. Структура этого предложения сложна тем, что в нем используются достаточно сложные однородные конструкции, называющие разнородные субъекты и их действия. Множество вводных фраз усложняют понимание смысла, который заложил в текст автор. Структура этого фрагмента скорее приближает его к высказыванию, чем к предложению. Сохраняя логическую последовательность, его можно устно воспроизвести лишь с использованием в речи достаточно длительных пауз. Паузы характерны для высказываний. Они структурируют высказывание и делают его удобным для устного перевода. Но текст предполагает письменный перевод, и он был выполнен [Nabokov 2007]:

Rudolf's squeamishness is understandable, but if one looks at the matter more closely, one suspects that Yasha's passion was perhaps not so abnormal after all, that his excitement was after all very much akin to that of many a Russian youth in the middle of last century, trembling with happiness when, raising his silky eyelashes, his pale-browed teacher, a future leader, a future martyr, would turn to him; and I would have refused to see in Yasha's case an incorrigible deviation had Rudolf been to the least degree a teacher, a martyr, or a leader; and not what he really was, a so-called "Bursch", a German "regular guy", notwithstanding a certain propensity for obscure poetry, lame music, lopsided art — which did not affect in him that fundamental soundness by which Yasha was captivated, or thought he was (translated from the Russian by Michael Scammell with collaboration of the author).

Оставляя за рамками нашего наблюдения оценку передачи смысла и чисто филологический аспект, заметим, что перевод даже при участии автора все же потребовал заметных структурных изменений. Перевод произведений В. Набокова

всегда был проблематичным. И основная проблема — чрезвычайно усложненный синтаксис его текстов, что признавал и сам автор. Своему редактору Кэтрин Уайт он писал:

«Я буду признателен, если вы поможете мне выкорчевать плохую грамматику, но мне не хотелось бы, чтобы мои длинноватые фразы обрезали слишком коротко и чтобы опускали те разводные мосты, которые я с таким трудом поднял. Иными словами, я бы хотел, чтобы вы ощутили разницу между нескладной конструкцией (что плохо) и некой особой — как бы сказать — извилистостью каковая есть мой стиль и которая только на первый взгляд может показаться нескладной или неясной.» [Бойд, Брайан 2004].

С МЫСЛЬЮ О ПЕРЕВОДЕ

По сравнению с английским языком особенностью русского предложения является большая длина. В переводе на английский достаточно часто переводчик прибегает к делению русского предложения. Мы провели небольшое статистическое исследование, задачей которого было лишь убедиться в правомерности нашей гипотезы о сложности перевода сложных предложений. Случайным образом мы выбрали по пять фрагментов одинакового объема из произведений В. Набокова, И. Бунина и В. Аксенова. Нашей целью было определить среднюю длину предложения как условную характеристику синтаксиса языка каждого из этих авторов. В произведениях В. Набокова средняя длина предложения составила 35,73 слова. У И. Бунина — 19,67 слова, а у В. Аксенова 14,26 слова. Заметим, что «Московская сага» В. Аксенова попала в наше исследование из-за нашего предположения, что это произведение создавалось автором в период, когда у него не было ни малейшей надежды на то, что оно будет издано на русском языке, и изначально еще в процессе его создания готовилось к переводу. Автор работал с мыслью о переводе. На наш взгляд, это уникальный пример работы над текстом художественного произведения.

Как бы ни старался переводчик сохранить авторскую структуру произведения, ему все же не всегда удастся сделать это без ущерба художественной ценности текста. И наше исследование еще раз подтверждает, что удовольствие чтения произведения в оригинале никогда не сможет сравниться с чтением даже самого совершенного перевода. Вот еще один пример из «Дара» В. Набокова с переводом на английский язык:

«Меж тем, ничто не остановилось после Яшиной смерти, и происходило много интересного, в России наблюдалось распространение абортов и возрождение дачников, в Англии были какие-то забастовки, кое-как скончался Ленин, умерли Дузе, Пуччини, Франс, на вершине Эвереста погибли Ирвинг и Маллори, а старик Долгорукий, в кожаных лаптях, ходил в Россию смотреть на белую гречу, между тем, как в Берлине появились, чтобы вскоре исчезнуть опять, наемные циклонетки, и первый дирижабль медленно перешиагнул океан, и много писалось о Куэ, Чан-Солине, Тутанкамоне, а как-то в воскресенье молодой берлинский купец со своим приятелем слесарем предпринял загородную прогулку на большой, крепкой, кровью почти не пахнувшей, телеге, взятой напрокат у соседа-мясника: в плюшевых креслах, на нее поставленных, сидели две толстых горничных и двое малых детей купца, горничные пели,

дети плакали, купец с приятелем дули пиво и гнали лошадей, погода стояла чудная, так что на радостях они нарочно наехали на ловко затравленного велосипедиста, сильно избили его в канаве, искромсали его папку (он был художник) и покатали дальше очень веселые, а придя в себя, художник догнал их в трактирном саду, но полицейских, попытавшихся установить их личность, они избили тоже, после чего, очень веселые покатали по шоссе дальше, а увидев, что их настигают полицейские мотоциклетки, стали палить из револьверов, и в завязавшейся перестрелке был убит трехлетний мальчик немецкого ухаря-купца.»

«Meanwhile nothing stopped with Yasha's death and many interesting things were happening: in Russia one observed the spread of abortions and the revival of summer houses; in England there were strikes of some kind or other; Lenin met a sloppy end; Duse, Puccini and Anatole France died; Mallory and Irvine perished near the summit of Everest; and old Prince Dolgorukiy, in shoes of plaited leather thong, secretly visited Russia to see again the buckwheat in bloom; while in Berlin three-wheeled taxis appeared, only to disappear again shortly afterwards, and the first dirigible slowly stepped across the ocean and papers spoke a great deal about Coué, Chang Tso-lin and Tutankhamen, and one Sunday a young Berlin merchant with his locksmith friend set out on a trip to the country in a large, four-wheel cart with only the slightest smell of blood, rented from his neighbor, a butcher: two fat servant maids and the merchant's two small children sat in plush chairs set on the wagon, the children cried, the merchant and his pal guzzled beer and drove the horses hard, the weather was beautiful so that, in their high spirits, they deliberately hit a cleverly cornered cyclist, beat him up violently in the ditch, tore his portfolio to bits (he was an artist) and rolled on, very happy, and when he had come to his senses, the artist overtook them in a tavern garden, but the policeman who tried to establish their identities was also beaten up, after which they very happily rolled on along the highway, and when they saw that police motorcycles were gaining on them, they opened fire with revolvers and in the ensuing gunplay a bullet killed the merry merchant's three-year-old son.»

В этом фрагменте описаны сразу несколько событий, которые действительно создают стройное смысловое единство. Но все же вполне допустимо предположить, что художественная ценность фрагмента не пострадала бы, если бы текст был традиционно структурирован. Смешение субъектов и объектов при переводе оказалось неизбежным. Переводчик даже при содействии автора потерял логику единства текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пытаясь дать однозначный ответ на изначально поставленный нами вопрос, мы приходим к выводу о том, что переводчик все же скорее всего переводит фразу. Отсюда полное право получают такие термины, как пофразовый перевод и переводческое перефразирование. К сожалению, переводческое перефразирование еще очень мало изучено. Требование сохранить в переводе индивидуальность автора зачастую обедняет перевод. Хотя уже существует гипотеза о том, что перевод вполне может быть лучше оригинала!

© Семенов А.Л., Ершов В.И., Нелюбова Н.Ю.

Дата поступления: 10.05.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бойд, Брайан*. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. Москва: Издательство «Независимая Газета»; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2004.
2. *Набоков В.В.* Дар: Роман. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2007.
3. *Семёнов А.Л.* Основы общей теории перевода и переводческой деятельности. Москва: Издательский центр «Академия», 2008.
4. *Nabokov V.* The Gift. Режим доступа: <http://www.rulit.me/author/nabokov-vladimir/the-gift-get-273781.html> (дата обращения: 20.05.2017).

УДК: 81'255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642

TRANSLATION: SENTENCE OR UTTERANCE? ...

L.S. Semenov¹, I.E. Ershov², N.Yu. Nelyubova³

¹Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034

²MGIMO University
76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454

³RUDN University
6, Miklukho-Maklay srt., Moscow, Russia, 117198

Abstract. It is traditionally considered that in writing an interpreter translates the text sentence by sentence which in this case is a unit of the text and translation. In case of interpretation (oral translation) the interpreter translates the utterance. The utterance can be complex in structure and produced with pauses that can be used to “insert” the translation. In some cases, the utterance and the sentence may coincide in form. The study of the interpreter's operations and the materials to be translated shows that the traditional difference between the utterance and the sentence with respect to the type of translation (oral or written) is not always valid. The utterance may by its form coincide with the sentence and be relevant to the translation. The presence of pauses while producing the utterance structures the statement turning it into a sequence of short phrases that are convenient for translation. The phrase is a minimum semantic unit suitable for translation. Formally, according to the technology of translation, the phrase should contain the meaning reference points to nominate the subject and the action. In a practical situation, the interpreter can use the paraphrasing technique and fill the missing meaning reference point without changing its volume.

Key words: sentence, utterance, phrase, rephrasing, subject, action

REFERENCES

1. Boid, B. (2004). Vladimir Nabokov: American years: Biography. Moscow: Nezavisimaya Gazeta; Saint Petersburg: Simpozium. (In Russ).
2. Nabokov, V.V. (2007). *The Gift*. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika. (In Russ).
3. Semenov, A.L. (2008). Basics of the general theory of translation and translation practice. Moscow: Izdatelskij Centr «Akademiya». (In Russ).
4. Nabokov, V. *The Gift*. URL: <http://www.rulit.me/author/nabokov-vladimir/the-gift-get-273781.html> (accessed: 20.05.2017).

Для цитирования:

Семенов А.Л., Еришов В.И., Нелюбова Н.Ю. Перевод: предложение или высказывание?... // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 636—642. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642.

For citation:

Semenov, L.S., Ershov, I.E. & Nelyubova N.Yu. (2017). Translation: sentence or utterance?... *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3). 636—642. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642.

Arkadii L. Semenov, Viktor I. Ershov & Nataliya Yu. Nelyubova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3). 636—642. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-636-642.

Сведения об авторах:

Аркадий Львович Семенов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; *научные интересы*: теория перевода, новые информационные технологии в переводе; *e-mail*: arksem@gmail.com.

Виктор Иванович Еришов, кандидат филологических наук, доцент, доцент военной кафедры при МГИМО МИД России; *научные интересы*: теория перевода, инновационные подходы в обучении переводу, *e-mail*: ershovik@mail.ru.

Наталья Юрьевна Нелубова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: сопоставительные исследования на материале французского, русского и английского языков, *e-mail*: at.nelubova@mail.ru.

Bio Note:

Arkadii L'vovich Semenov, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Translation Theory and Practical Translation of English, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; *research interests*: theory of translation, innovative information techniques in translation; *e-mail*: arksem@gmail.com.

Viktor Ivanovich Ershov, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Military Department, MGIMO University; *research interests*: theory of translation, innovative approaches in translation teaching, *e-mail*: ershovik@mail.ru.

Nataliya Yur'evna Nelyubova, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *research interests*: comparative study of French, Russian and English, *e-mail*: nat.nelubova@mail.ru.